

**М. В. Конотопов,
С. И. Сметанин**

Развитие экономики России в XVI—XX веках

**ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ТЕКСТИЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

УДК 338(47)
ББК 65.9(2)
К 648

*Издается при финансовой поддержке
ЗАО МОФ «Парижская коммуна»*

Конотопов М. В., Сметанин С. И.

К648 Развитие экономики России в XVI–XX веках. Избранные труды: в 4 т.
/ М. В. Конотопов, С. И. Сметанин. – СПб.: Алетейя, 2018. – Т. 3. История
отечественной текстильной промышленности: монография. – 456 с.

ISBN 978-5-907115-11-8

Рассмотрен процесс развития текстильной промышленности России от ее зарождения до современного состояния отрасли. Дан анализ уровня развития отрасли, задач по ее перестройке, интенсификации производства, совершенствованию хозяйственного механизма. Изложены направления совершенствования техники, технологии, развития ассортимента.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей и перспективами отечественной промышленности; для студентов исторических и экономических вузов и факультетов.

УДК 338(47)
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-907115-11-8

© М. В. Конотопов, С. И. Сметанин, 2018
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Эта книга не совсем обычна. До сих пор авторы либо исследовали историю текстильной промышленности, либо писали о ее современном состоянии и перспективах. Мы же попытались слить обе темы воедино. Еще в древние времена было известно: «*historia est magistra vitae*» (история – учительница жизни). Нельзя понять современное состояние экономики, не зная, как она складывалась и развивалась. Исторические знания вырабатывают у человека понимание общего хода развития, позволяют видеть направление развития, прогнозировать будущее.

Для понимания исторического процесса недостаточно заглянуть только во вчерашний день. Исторический процесс един, и на его коротком отрезке понять законы развития невозможно. Хозяйственные решения, принимаемые без понимания исторического процесса, без знания законов развития, приводят к вульгаризаторским, волюнтаристским ошибкам, результаты таких решений оказываются иными, чем предполагалось. Это справедливо как для промышленности в целом, так и для ее отдельных отраслей. Сводя воедино исторический опыт, накопленный в процессе развития текстильной промышленности, используя его для прогнозов, авторы надеются оказать посильную помощь в развитии текстильной промышленности.

Для создания этой книги объединились представители двух наук – истории и экономики. Когда стыкуются две науки, обычно рождается что-то необычное. Историки занимаются историей прошлых времен, экономисты – экономикой настоящего. Экономисты обычно не очень хорошо знают историю, историки – не очень хорошо знают экономику. Поэтому даже из лучших исследований по истории хозяйства мы не узнаем, как в прошлом изменялась прибыль, производственные затраты, цены, какова была рыночная конъюнктура. В этой книге мы попытались экономический анализ обратить в прошлое, а выводы из прошлого сделать достоянием будущего.

Даже освещение истории отрасли от ее возникновения до наших дней в одной книге ранее не предпринималось. У историков есть специализация. Медиевист, т.е. специалист по истории средних веков, истории феодализма, не станет заниматься периодом капитализма, а исследователь периода капитализма не возьмется за тему по истории советского периода. Между тем, полная картина развития текстильной промышленности позволяет увидеть

такие закономерности, которые оставались скрытыми при изучении отдельных его периодов.

В этой книге сочетается научное исследование и популярное изложение. Это научное исследование, потому что здесь выявляются закономерности развития отрасли, исследуется социально-экономическая сущность текстильных предприятий в разные периоды, анализируется действие внешних и внутренних факторов на рост производства. Впервые восстановлена динамика основных производственных и экономических показателей на протяжении веков. Кроме изложения результатов работы других исследователей в книге имеется ряд выводов, сделанных впервые ее авторами.

Но эта книга и популярная, потому что она написана языком, доступным каждому человеку со средним образованием. Популярная работа – это не та, в которой обходятся сложные научные проблемы, даются лишь отдельные факты. Такую работу нельзя назвать популярной, потому что она ничего не популяризирует, не объясняет. Популяризация – это изложение достижений науки понятным языком. Таблицы и графики, которые приводятся в книге, помогают популярности изложения, позволяют наглядно видеть то, о чем написано.

Закономерности развития текстильной промышленности выявить особенно важно, потому что она была ведущей отраслью промышленности до-революционной России, давала наибольшую массу продукции и в ней было занято наибольшее количество рабочих.

Текстильное производство возникло у славян очень давно, еще до выделения группы восточных славян, заселивших территорию нашей страны.

Первые мануфактуры в России появились в текстильной и горно-металлургической промышленности, в дальнейшем ставших ведущими отраслями промышленности страны. Но дальнейшее их развитие было различным. В горно-металлургической промышленности, тесно связанной с государством, крепостной труд и казенная регламентация задержали процесс перехода к капитализму. Крепостническая система организации в этой отрасли приобрела весьма сложную структуру, и рождение капитализма здесь выражалось в глубокой внутренней реорганизации крепостнических горных округов.

В текстильной промышленности, обслуживающей народное потребление, капиталистическое производство началось раньше, чем в других отраслях промышленности, раньше начался промышленный переворот и появилась первая фабрика. Обладая наиболее крупными капиталами и опытом, текстильная промышленность лидировала и при переходе к империализму. В ней возникло наиболее сложное переплетение промышленного и банковского капитала, часть которого шла в другие отрасли. Текстильная промышлен-

ленность рождала идейных вождей буржуазии. Кто такие были Гучков и Рябушинский? Текстильные фабриканты.

На материале истории текстильной промышленности можно исследовать развитие промышленности России вообще. «Домашняя» промышленность, ремесло, кустарные промыслы, мануфактура и фабрика – особенности всех этих стадий и форм производства наиболее глубоко и подробно прослеживаются в этой отрасли.

Мы называем текстильную промышленность отраслью. Но в действительности это целая группа отраслей, имеющих свои особенности развития: так, хлопчатобумажная промышленность развивалась совсем иначе, чем шерстяная.

Именно на базе текстильной промышленности выросла и окрепла значительная часть нового класса – класса промышленных рабочих. Пролетарии-текстильщики всегда были в авангарде революционной борьбы. В текстильном краю Иваново-Вознесенска зародилась первая форма народовластия – Советы рабочих депутатов.

После победы Советской власти текстильная промышленность, оказавшись наиболее развитой отраслью, передавала свои силы другим отраслям. Ситцем для крестьян она обеспечивала смычку города и деревни в 20-е годы. Прибыли текстильных фабрик давали накопления для индустриализации в 30-е годы.

Решая задачу удовлетворения потребительского спроса для интенсификации экономики страны, текстильная промышленность в новых условиях стремится через улучшение использования накопленного производственного потенциала к переводу отрасли на ресурсосберегающий путь развития.

* * *

Для всякого исторического сочинения обязательными являются обзоры имеющейся литературы (историография) и источников по изучаемым вопросам. Исследования и источники принято разграничивать. Исследования – это то, что было написано прежде историками. Давая обзор трудов предшественников, автор обязан показать, что уже сделано в исследуемой области, что нового вносит предлагаемая работа. Источники – это кирпичи, из которых исследователь строит здание своего сочинения. Это то, что дает ему факты и цифры для исследования. К ним относятся архивные материалы, статистические и иные публикации, результаты археологических раскопок и этнографических экспедиций, описания современников. Давая обзор источников, историк говорит и о методах их использования, раскрывает “кухню” своей работы. Необычайно широкие хронологические рамки предлагаемой

книги, а также то, что она предназначена не только для историков, не позволяют дать подробный обзор литературы и источников. Он будет кратким.

Поскольку текстильная промышленность наряду с металлургической занимала ведущее место в хозяйстве России, изучению ее истории посвящено немало работ. Их главный недостаток в том, что они обычно освещали отдельные периоды истории отрасли, что не позволяло авторам выделить особенности развития отрасли в конкретный период, определить отличия этого периода от других. Поэтому даже при работе с монографиями крупных ученых, глубоко изучавших процесс развития отрасли за определенный период, обнаруживается, что ими сказано не все и при “стыковке” с другими периодами можно увидеть новые существенные закономерности. Кроме того, разные периоды истории текстильной промышленности освещены очень неравномерно, поэтому авторам данной книги самим пришлось заполнять пробелы. Мы с благодарностью использовали работы дореволюционных исследователей А. А. Баранова, К. К. Вебера, Е. П. Житенева, П. В. Копосова, в которых освещается развитие текстильной промышленности капиталистической России, материалы и выводы трудов советских исследователей П. Г. Любомирова, Е. И. Заозерской, К. А. Пажитнова, М. Я. Волкова, Г. С. Исаева, В. Я. Лаверычева по истории дореволюционной текстильной промышленности, А. М. Корнеева и П. А. Хромова о развитии этой отрасли в советский период.

Общим недостатком исторических исследований является также то, что в них не в полной мере использованы цифровые статистические показатели, не прослежена динамика объема производства в натуральном и денежном виде, концентрации производства, производительности труда, цен на сырье и готовую продукцию. Между тем экономическая история, в частности, тем отличается от политической, что все ее основные процессы выражены в цифрах. Авторы настоящей книги впервые попытались восстановить «сквозную» динамику основных статистических показателей. Так, промышленный переворот, т.е. переход от мануфактуры к фабрике, выражался в скачкообразном увеличении производительности труда и понижении стоимости продукции.

Необходимость восстановления промышленной статистики России никем не оспаривается, однако задача эта считается почти невыполнимой из-за бедности статистических источников. Период до 1861 г. принято считать «нестатистическим», но и с 1861 г. в исторической литературе динамика статистических показателей не прослеживается. Мы попытаемся отодвинуть «нестатистический» период еще на столетие с лишним: первая дата, с которой, правда, очень приблизительно восстановлены статистические показатели, – 1725 г. За весь предшествующий период восстановить статистическую картину развития текстильного производства оказалось действительно невозможно, и не только потому, что государственные органы не собирали

сведений о состоянии промышленности и не составляли соответствующие ведомости. Текстильное производство допетровской России было представлено домашней промышленностью, ремеслом и простым товарным производством, а эти формы статистически не регистрировались и в начале нынешнего столетия.

За начальный период истории отрасли в письменных источниках имеются лишь отдельные упоминания и отрывочные сведения о текстильном производстве, о торговле тканями. На их основе нельзя восстановить картину развития текстильной промышленности, поэтому пришлось дополнять письменные источники археологическими и этнографическими.

Нужно учитывать, что содержание понятия «текстильная промышленность» изменялось во времени. Домашняя промышленность, ремесло, простое товарное производство (кустарные промыслы) – формы промышленности начального периода. Они сохранялись и после рождения мануфактурного производства, но с этого времени основным объектом внимания исследователей стала «цензовая» промышленность, т.е. относительно крупные заведения, которые подлежали официальному статистическому учету, позволившему восстановить целостную картину развития производства. Кустарные промыслы отошли на второй план не только из-за отсутствия статистических показателей, но и потому, что в течение длительного времени они оставались неизменными, в их развитии не происходило существенных сдвигов, переломных моментов.

Основными видами источников для восстановления статистической картины развития цензовой текстильной промышленности являются сводные ведомости, которые составлялись в Мануфактур-коллегии и Департаменте мануфактур и торговли при Министерстве финансов до ликвидации крепостного права, а также аналогичные статистические сводки из правительственных органов в период капитализма и советский период. Лишь некоторые из ведомостей крепостного периода приводились в статистических работах современников или публиковались отдельно, поэтому мы опирались преимущественно на архивный материал. После отмены крепостного права официальные статистические данные публиковались регулярно.

Промышленную статистику крепостного периода принято считать не очень надежной: обычно она охватывала не все предприятия. Но крупные купеческие заведения нельзя было не заметить и не зафиксировать, а мелкие мещанские и крестьянские попадали в ведомости лишь частично. Поэтому в составе цензовой промышленности оказывалось все капиталистическое и часть простого товарного производства.

Полностью за рамками официального учета оставалось ремесло, домашняя промышленность и частично простое товарное производство.

Учитывались «заведения», т.е. отдельные производственные помещения. Производство домотканого полотна, которое использовали крестьяне до распространения фабричных ситцев, ни в какие ведомости не попадало, как и производство сермяжного сукна.

Чтобы проследить развитие капитализма в промышленности, необходимо определить границу между простым товарным и капиталистическим производством. Очевидно, что мастерскую, где хозяин работал вместе с двумя-тремя работниками, нельзя отнести к капиталистическому производству, хотя здесь и эксплуатировался наемный труд. Это – ремесло или простое товарное производство. Но также очевидно, что если на предприятии с наемным трудом было занято несколько десятков рабочих и выпускалось продукции на несколько десятков тысяч рублей, то это явно капиталистическое предприятие.

Минимальный передел капиталистических предприятий определяется величиной капитала и прибыли. Если прибыль предприятия достаточна, чтобы обеспечить семью хозяина, причем сам предприниматель может физически не работать, то такое предприятие мы, очевидно, можем считать капиталистическим. Для того чтобы определить эту минимальную величину капиталистической прибыли, необходимо рассчитать прожиточный минимум семьи хозяина. По нашим расчетам, прожиточный минимум семьи горожанина из 5 человек в первой половине XIX в. составлял 275 р. в год. Мы округляем эту цифру до 300 р., т.е. исходим из того, что минимальная прибыль капиталистического предприятия не могла быть меньше 300 р. [1–15]. Это определяет и величину капитала. Поскольку средняя прибыль мелких заведений в то время составляла приблизительно 10–12% на капитал, то для получения прибыли в 300 р. требовалось затратить капитал в 2,5–3 тыс. р. К тому же официально низшим пределом купеческих капиталов в то время была сумма в 2,4 тыс. р., т.е. владелец такого капитала был обязан записаться в купеческую гильдию. Но купец – это капиталист.

Нам было необходимо здесь, в самом начале, определить эти критерии капиталистического производства, потому что в дальнейшем мы будем вынуждены постоянно исходить из них.

* * *

Только завершив подготовку книги, авторы поняли, сколь нелегкую задачу поставили перед собой. Насколько успешно она решена – судить читателю. Пусть масштабность намерений послужит в его глазах некоторым оправданием возможных просчетов. В любом случае все критические замечания по книге будут приняты с благодарностью.

Автор первого параграфа главы 1: Сметанина Светлана Ивановна, кандидат исторических наук.

1. ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ. ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В XVI–XVII ВВ.

§ 1. Текстильное производство в домонгольской Руси

Выдающийся чешский археолог-славяновед конца XIX – начала XX в. Любор Нидерле отметил, что слова “плат”, “платньо”, “сукно”, “ткань”, “тканина” – древнейшие общеславянские термины [16, с. 223]. Общей у восточных, западных и южных славян является также основная ткацкая терминология (“стан”, “кросна”, “бердо”, “навой”, “вратило”, “уток”, “основа”). Это значит, что ткачество было известно с глубокой древности, со времен славянской общности [17, с. 187]. Сохранились известия о том, что у западных славян кусок ткани даже служил единицей оплаты, а термины “платньо” (полотно) и “платить” филологи связывают между собой, что также говорит об огромной важности продуктов этого производства в жизни славян.

Материалами для изготовления тканей у восточных славян издавна служили шерсть и растительное волокно. По данным археологов, употребление шерсти на территории восточных славян было возможно с III тысячелетия до н.э. Как было установлено, культивирование льна на севере европейской части нашей страны можно отнести к началу II тысячелетия до н.э. Конопля в диком виде была известна скифам в V в. до н. э., хотя сведения об использовании ими ее прядильных свойств пока не найдены [18, с. 464-465]. Возможно, употреблялась для ткачества также крапива, являющаяся волокнистым растением.

Древнейшие письменные свидетельства об изготовлении славянами льняного полотна относятся к IX–X вв. [16, с. 223]. Восточные авторы того времени описывали славян одетыми преимущественно в льняные одежды, состоявшие из короткой (по сравнению с длинными восточными одеждами) рубахи и штанов. В качестве теплой одежды использовались длинная куртка или плащ. По описаниям одежды славян были в основном белыми или серыми (цвета небеленого полотна) [16, с. 225]. О текстильном производстве в Киевской Руси сведений сохранилось немного. Кое-что известно по письменным источникам, больше – по данным археологов. Следует отметить, что в послевоенные годы объем археологического материала по истории ткаче-

ства существенно увеличился благодаря успехам новгородской археологической экспедиции. Ее сотрудниками было собрано около 3 тыс. образцов тканей, которые дали материал для специальной работы по их технологическому анализу [19, с. 228–313]. Эта же экспедиция собрала множество образцов орудий прядения, ткачества и обработки волокна.

Письменные источники (крайне немногочисленные) сообщают исследователю лишь названия тканей и изделий из них, не давая наглядного представления об объекте (не говоря уже о технических подробностях). Археологические же находки представляют собой безымянные образцы тканей и орудий труда (в разной степени поврежденные пребыванием в почве). Объединить данные письменных и археологических источников помогает этнография, устанавливающая аналогии между археологическими находками и более современными орудиями, изделиями, технологией народного ткачества и обработки волокна, которые сохраняли и сохраняют в ряде районов России в XIX и XX вв. черты глубокой древности.

Однако многие вопросы, связанные с изучением текстильного производства в домонгольской Руси, все еще решаются в значительной степени на основе предположений. Рассмотрим один из них. Среди археологических находок явно преобладают шерстяные ткани, образцы тканей из растительного волокна единичны. Существует мнение, основанное не в последнюю очередь на преобладании шерстяных тканей в погребальных сооружениях (в скифских, славянских, финских могильниках), что шерстяная одежда появилась раньше, чем одежда из растительного волокна. Однако это явление можно объяснить и тем, что почвенные кислоты гораздо легче разлагают растительное волокно [18, с. 468; 19, с. 230]. Иллюстрацией этому служит история исследования так называемых ажурных тканей.

В славянских курганах Московской, Владимирской, Смоленской и Калужской областей, в финских могильниках Рязанской, Калужской и Тамбовской областей часто встречаются ткани, в которых нити основы и утка распределены по группам с определенным количеством нитей в каждой и с просветами между соседними группами. В результате получается сетчатая ткань с рисунком в крупную клетку, причем внутренность каждой крупной клетки заполнена мелкими клеточками. В свое время была высказана точка зрения, что эта ткань представляет собой особую продукцию и преднамеренно выткана с просветами. Ткани такого типа получили у исследователей название ажурных. Однако в настоящее время ученые пришли к заключению, что первоначально эти ткани были плотными, но вытканы с чередованием нитей из растительного волокна и из шерсти как в основе, так и в утке. Под воздействием почвенных кислот нити из растительного волокна распались, что и привело к образованию просветов в ткани. Исследовательница

М. Н. Левинсон-Нечаева проделала интересный опыт: она удалила из клетчатой шерстяной поневной ткани XX в. цветные бумажные нити, при помощи которых был выткан узор, сохранив в неприкосновенности ее шерстяные нити. В результате получилась точная модель ажурной ткани из раскопок [20, с. 25–26 и рис. 6]. По-видимому, преобладание среди археологических находок шерстяных тканей следует отнести если не полностью, то в значительной мере к тому, что растительное волокно хуже сохраняется в земле.

Технология первичной обработки и подготовки волокнистых растений и шерсти к прядению в Древней Руси восстанавливается по данным этнографии, подтвержденным сходством орудий труда, обнаруженных при археологических раскопках, с орудиями, употреблявшимися в домашнем производстве крестьян XIX–XX вв.

Лен дергали с корнем после побурения головок (т.е., когда поспеет семя). Коноплю брали в два приема: мужские стебли (поскань) – после цветения, женские – после созревания семян. Убрыв и просушив лен и коноплю, из них удаляли семена (обмолотом или срезанием головок). Для обмолота применялись лапа и валец, возможно, молотили также цепом. Для разложения и удаления веществ, склеивающих волокна стебля между собой и с древесиной стебля, издавна применялись два способа: стлание и мочение. Разостланные на поле лен и конопля (поскань) в течение 15–20 дней сентября – ноября подвергались воздействию влаги и других естественных факторов. Мочение заключалось в погружении стеблей в пруд, болото или специально вырытую в низине яму, заполненную естественными почвенными водами. Женские стебли конопли обрабатывались только мочением. Волокно, пригодное для одежды, дают мужские стебли – поскань, замашка [21, с. 571].

После расстилаяния лен и коноплю просушивали, а потом мяли, трепали и чесали. Среди археологических находок встречаются мялки, трепала, чесала и другие инструменты обработки растительного волокна, чрезвычайно похожие на соответствующие деревенские орудия XIX–XX вв. [22, с. 64–66; 18, с. 469].

Мяли стебли, чтобы отколоть костру от волокна, трепали – чтобы отряхнуть костру и мелкие грубые части волокна от длинных, идущих в дальнейшую обработку. Вес волокна составляет 20%, костры – 80% веса снопа.

Чесание – процесс сортирования волокна и растягивания его (в одном направлении). Чесали волокно до трех раз. В результате получили длинные, лучшего сорта волокна, составлявшие примерно 36% всего волокна, полученного из льна. Остальное – более короткие и грубые волокна, оставшиеся при трепании льна и на гребне после каждого следующего чесания. Каждый из этих продуктов предназначался для особого сорта ткани.

Подготовка шерсти к прядению была менее трудоемкой, чем подготовка льна и конопли. После стрижки овец ножницами (образцы которых также

известны по раскопкам) шерсть промывали, разбирали руками или подвергали битью (кардованию) и чесали гребнями. Гребни для чесания шерсти были такой же формы, как и для чесания льна [19, с. 243].

Относительно немного (15–20%) остевых волокон в тканях, изготовлявшихся в Новгороде, заставляет предполагать, что их устраняли из шерсти до начала прядения. Для обозначения пуховых волос существовал термин «вълна» (волна). «Волна» и «власы овечьи» различались по качеству. Сырье из отбросов обычной шерсти (с содержанием остевых волокон 70–90%) употреблялось для более грубых изделий. Оно получалось в ходе отдельных операций, через которые проходила шерсть: при разрывании ворсинок руками, когда легче всего отделить ость от пуха, а также при битье, когда толстые и тяжелые остевые волокна опускались вместе с пылью на пол или подстеленный фартук. Метод использования отходов шерсти был известен и в текстильном производстве Западной Европы. Так, в XIII–XIV вв. во Флоренции отходы после битья шерсти собирали и употребляли для прядения нитей утка тканей низшего сорта. В Новгороде пряжа, полученная из такой шерсти, употреблялась для изготовления вязаных изделий, а также в качестве утка для особенно толстых и грубых тканей [19, с. 243].

На Руси было известно два способа изготовления нитей (из шерсти и растительного волокна): прядение и «верчь» – дерганье и кручение в ладонях отходов волокна (полученная нить называется «верчь», или «сучанина») [18, с. 481].

В средние века было два способа прядения на веретене: прядение с прялкой, широко известное по археологическим раскопкам, и прядение без прялки (следует отметить, что прясть без прялки, держа кудель в руке, можно только битую шерсть, но не чесаное волокно). На Руси были известны оба способа. Прядение шерсти без прялки изображено на фреске Софийского собора в Киеве. Прялки в Новгороде найдены во всех наслоениях начиная с XI в., причем они по конструкции ничем не отличались от прялок, употреблявшихся в Новгородской области вплоть до XX в. [22, с. 66].

Коллекция веретен, найденная в Новгороде, огромна. Эти орудия встречаются во всех наслоениях начиная с середины X в. Среди них разделяются по технике изготовления токарные и ручные [22, с. 66]. На веретено надевался маховичок для увеличения инерции вращения. Он имел вид диска с утолщением в центре (или форму, приближающуюся к биконической). Археологическое название этого предмета – пряслице. Пряслица изготовлялись из камня, кости, глины, металла, причем самые ранние – из глины. С X в. получили распространение пряслица из шифера, которые делали в районе г. Овруч. Их находят в курганах XI–XIII вв. от Одера до Средней Волги и от Ладоги до Руси и Ворсклы. В Новгороде шиферные пряслица известны с X в.

В женских погребениях на Руси пряслице – вещь обычная. Много их находят и при раскопках поселений. После монгольского нашествия женщины снова стали пользоваться глиняными пряслицами, так как промысел по изготовлению шиферных пряслиц был уничтожен.

С веретен готовые нитки перематывались в мотки при помощи мотовил, остатки которых были обнаружены новгородской экспедицией в слоях, относящихся к XIII–XV вв. [22, с. 68].

В целом виде древнерусский ткацкий стан нигде не сохранился, как и его изображение. Определить же систему ткацкого стана по фрагментам найденных тканей очень сложно. Любой вид переплетения основы и утка с одинаковым успехом можно выполнить и на вертикальном, и на горизонтальном станах. Единственный четкий признак изготовления ткани на вертикальном стане – наличие особого рода кромки. Однако и отсутствие этой кромки у образца не является однозначным признаком изготовления ткани на горизонтальном стане, так как кромка могла быть просто утрачена. Поэтому вопрос о системе ткацкого стана, господствовавшей в Древней Руси, решается не просто. Сложность его связана, в частности, с тем, что среди исследователей существуют разные точки зрения на сравнительную древность вертикального и горизонтального ткацких станов. Ряд специалистов считают, что вертикальный и горизонтальный станы существовали одновременно, употребляясь для разных видов тканой продукции. Другая точка зрения состоит в том, что горизонтальный ткацкий стан (во всяком случае, в Европе) знаменует собой следующий после вертикального стана этап развития техники ткацкого производства [19, с. 68]. Последней точки зрения придерживается польский исследователь А. Нахлик, который связывает распространение горизонтального стана в Европе с развитием феодализма и товарного производства. На основе технологического анализа новгородских тканей А. Нахлик пришел к заключению, что в Новгороде в X–XII вв. преобладал вертикальный ткацкий стан (и на нем, в частности, были вытканы наиболее совершенные в техническом отношении образцы тканей). Отсутствие среди новгородского археологического материала обычных деталей вертикального стана – грузиков, служивших для оттягивания нитей основы, исследователь объяснял тем, что новгородский ткацкий стан был с двумя валами и основой, навитой кругом [19, с. 276–280]. Это мнение подтверждается тем, что полые ткацкие челноки (употреблявшиеся в горизонтальном ткацком стане) встречаются в Новгороде только с наслоений XIII в. Для X–XII вв., судя по раскопкам, были характерны только вилкообразные челноки, применявшиеся при вертикальной системе тканья (они сохранялись до XV в. наряду с полыми) [22, с. 68–69].

Другие детали горизонтального ткацкого стана (ниченки, подножки, собачки, юрки) в новгородских раскопках находятся в слоях с XIII в. [22,

с. 71]. Аналогичные детали и еще юрки до снования основы в несколько цветных нитей встречались археологами при раскопках других древнерусских городских поселений [19, с. 279; 20, с. 11–12; 23, с. 58]. По-видимому, появление горизонтального ткацкого стана на Руси и следует относить к началу XIII в. (а может быть, и к концу XII в.) Приводимая в тексте реконструкция древнерусского горизонтального ткацкого стана выполнена исследовательницей В. П. Левашовой [24, с. 18, рис. 2].

Выигрыш в производительности труда при переходе от вертикального стана к горизонтальному с раскрытием зева для пропуска челнока при помощи ножных педалей (при самой примитивной конструкции самого стана) академик С. Г. Струмилин оценивал как двойной [25, с. 13].

Следует отметить одно интересное обстоятельство. В Европе в XIII в. появились самопрядки (т.е. прядки с ножным приводом). Это усовершенствование последовало за массовым распространением горизонтального стана с механическим образованием зева, которое, повысив производительность труда, увеличило потребность в пряже для тканья. С. Г. Струмилин повышение производительности труда, связанное с переходом к механической прядке, также оценивал как двойное. На Руси, судя по археологическим находкам, горизонтальный ткацкий стан появился ненамного позже, чем в Европе, однако даже специально предпринятые новгородской археологической экспедицией поиски деталей самопрядки не дали положительных результатов. Не найдено ничего, что могло бы быть сочтено деталями этого устройства, и в других местах. Принято считать, что самопрядки появились в России только в XVIII в.

Ткань из растительного волокна в домонгольской Руси называлась полотном. Все сохранившиеся до настоящего времени образцы древнерусских тканей из растительного волокна имеют полотняное переплетение [19, с. 247; 20, с. 20–21]. И сохранившиеся образцы, и письменные источники свидетельствуют, что в Древней Руси изготовлялись и грубые полотна, употреблявшиеся, в частности, на паруса – «толстины», и тонкие полотна для одежды – «частины», «тончины» [8, с. 10].

В «Повести временных лет» рассказан следующий эпизод похода князя Олега на Царьград в 907 г. Когда греки откупились от варваров данью, Олег потребовал: «Исшейте парусы паволочиты руси, а словенем – кропинъныя». По этому требованию, для «руси» были изготовлены паруса из паволок – узорчатой византийской ткани, а для новгородских словен – из крапивного волокна (имеющего неплохие прядильные свойства, но, конечно, хуже льна и конопли). На кораблях Руси были подняты паволочные паруса, а на кораблях словен – «кропинъныя», но последние были разорваны ветром. И ска-

зали при этом словене: «Возьмем свои толстинные паруса, если нам не дано парусов из паволок» [26, с. 46].

Полотна изготовлялись разной ширины. Наиболее распространенными были «узчины», хотя известны также ширины (ширинки). Судя по археологическим находкам, стандартная длина берда была 37 см, но встречаются обломки берд, которые должны были иметь длину около 1 м [24, с. 77]. Возможно, именно такова была разница между бердами, при помощи которых ткали узчины и ширины. А скатерти, платы, убрusy, поневы, по-видимому, ткались отдельно в виде готового изделия. Полотно, употреблявшееся на одежду, отбеливалось. Предметы одежды, изготовленные из него, назывались «белые порты» [27, с. 113]. Полотно ткалось из пряденых нитей, изготовленных при помощи веретена. Однако существовала также ткань из волокна растительного происхождения, уток которой, по-видимому, Пыл из верчи, ссученной руками из очесов, полученных при подготовке растительного волокна к прядению. Эта ткань называлась вотолой [18, с. 513]. Она употреблялась на верхнюю одежду, получившую то же название. Предполагается, что это был грубый плащ, застегивавшийся под горлом. Свитка из вотолы упоминается в древнерусской литературе как убогая одежда подвижников, намеренно носимая с целью демонстрации пренебрежения как удобством, так и красотой [26, с. 195].

Шерстяные ткани в Древней Руси также вырабатывались разных сортов, среди которых понева, яриг (ярига), власяница. Разница между ними, по-видимому, заключалась в процентном соотношении остевых, переходных и пуховых волокон, а также в способе подготовки шерсти к тканью. Часть тканей изготавливалась из пряденого волокна, некоторые – из верчи (сучанины). Вероятно, из сученых нитей, в составе которых была значительная доля остевых волос, изготавливалась ткань, называемая власяницей. Сохранился образец ткани, обнаруженный в Новгороде и относящийся к XI в., с основой из растительного волокна и утком из грубых шерстяных отходов [19, с. 243].

Власяница, как и вотола, для одежды не предназначалась. Именно поэтому ношение одежды из этой ткани рассматривалось как способ умерщвления плоти, самоистязание. В житии Феодосия Печерского, составленном в 80-х гг. XI в., упоминается «свита власяна» (т.е. из власяницы), носимая им на голом теле. Скромность подвижника подчеркивается и тем, что сверху он надевал «ину свиту», чтобы скрыть от окружающих ношение власяницы и не демонстрировать подвига самоотречения [26, с. 344].

Коллекция новгородских шерстяных тканей дает возможность представить себе основные виды распространенных материй. Большая часть новгородских тканей имела плотность от 10/8 до 15/12 нитей на 1 см² со средней толщиной волокна 27–43 мкм и количеством остевого волокна в пряже 15–

20% [19, с. 231–243]. Рядовые новгородские ткани были, как правило, неокрашенными. Способ переплетения у них был полотняный или саржевый (в три или четыре нити).

Кроме описанных рядовых тканей в Древней Руси изготавливались ткани гораздо более высокого качества. Они имели большую плотность по основе и утку, ткались саржевым переплетением. Практиковалось также тканье бранной и закладной техникой. В курганах встречаются ткани сложного саржевого переплетения, дающего на поверхности узор из ромбов с разнообразными деталями [20, с. 20, 27]. Получили распространение также ткани смешанного типа, в которых чередовались нити из растительного волокна и шерсти. Предположительно к этому типу относились пестрины и частично поневы (понявы).

Обнаруженные в раскопках ткани из шерстяных и льняных нитей перемежку сотканы полотняным переплетением. Но среди них имеются экземпляры усложненного типа. Исследователи считают, что они сотканы в бранной технике при одном утке [18, с. 528] и являются этапом в развитии производства двухосновной узорной ткани [19, с. 251]. Существует предположение, что эти ажурные ткани представляют собой поневы, в том числе праздничные, украшенные бранным узором.

Все древние ткани в настоящее время имеют коричневый цвет и не всегда можно установить, первоначальная это их расцветка или результат долгого пребывания в земле. Однако даже простая промывка в некоторых случаях помогает выявить первоначальную окраску образцов.

Подбор красителей древнерусских тканей был довольно разнообразным, судя по тому, что на тканях можно наблюдать нити, окрашенные в красный (чаще всего), зеленый, желтый, синий и черный цвета. Специальные анализы подтвердили применение растительных красителей и железного купороса. Ткачихи X–XIII вв. располагали полной гаммой цветов. Дикие и культурные растения, распространенные по всей территории страны, обеспечивали широкий набор разных красителей [20, с. 36]. При специальном исследовании новгородских тканей были обнаружены применявшиеся для окраски пряжи кора и древесина дуба, тополевы почки, сок ольхи (дававшие соответственно черный, желтый и коричневый цвет) [19, с. 266, 267]. Известны также ткани, окрашенные привозными красителями – индиго (синий цвет).

При раскопках кургана XI–XII вв. близ Стародуба были найдены шерстяные ткани с набивным рисунком, имитирующим орнамент византийских узорных тканей. Доска для изготовления набойки была обнаружена при раскопках Старой Рязани [17, с. 405]. Подобные находки весьма редки, но и на их основе можно предположить, что существовало орнаментирование ткани методом набойки в домонгольской Руси.

Изготовление тканей в Древней Руси представляло собой важнейший раздел деревенского (а отчасти и городского) домашнего производства. Если первичная обработка волокна (особенно растительного) производилась в основном в сельских поселениях, то пряли практически в каждом доме (как сельском, так и городском). Среди находок новгородской археологической экспедиции сравнительно немного вальков, лап, трепал, гребней для чесания шерсти, зато веретена и пряслица найдены почти в каждом срубе [22, с. 65]. За счет деревенского производства в значительной мере удовлетворялись потребности вотчинного хозяйства, куда в виде оброка шли ткани из растительного волокна [17, с. 185]. Однако и в городе, как считал Б.А. Рыбаков, прядение льна и шерсти производилось не только женами ремесленников, но также боярынями и княжнами, как об этом можно судить по частым находкам пряслиц как в рядовых избах, так и в составе драгоценных кладов. Недаром летописец XII в. поучительно цитирует притчи царя Соломона, где речь идет об обязанностях хозяйки дома: «Деет бо (жена) мужеви своему благо все житие. Обретши волну и лен, сотворит благоупотребная руками своими... Руце свои простирает на полезная, локти же свои утверждает на веретено... Не печется о дому своем муж ея, егда где будет – вси свои ее одеяни будут...». Ткацкое дело было, по-видимому, в боярских и княжеских дворах в руках женской половины дворовой челяди, руководимой хозяйкой. Прядение и ткачество в середине века считалось наиболее приличным занятием знатной женщины, не только на Руси, но и на Западе [17, с. 404].

В Новгороде, в наслоениях X–XII вв., были обнаружены образцы тканей из шерсти местного производства, но значительно выше качеством, чем рядовые местные ткани саржевого переплетения с раппортом 2/2. Исследователь А. Нахлик определил их как продукцию вотчинного хозяйства местных феодалов, вытканную на вертикальном стане [19, с. 296]. Анализ новгородских археологических тканей позволил исследователям прийти к заключению, что период домашнего производства в ткачестве (X–XII вв.) был связан с употреблением вертикального стана. В XII–XIII вв., судя по раскопкам, исчезли высокосортные ткани вотчинного производства [19, с. 295].

Развивающееся с XIII в. ремесленное производство характеризовалось распространением горизонтального ткацкого стана и одновременно упрощением системы переплетения в ткани: сменой саржевого переплетения 2/2 вначале саржевым 2/1, а затем полотняным 1/1 [19, с. 294–295]. Это может быть объяснено расширением рынка сбыта. Однако следует отметить, что следов ткацких мастерских при раскопках в Новгороде не было обнаружено.

Процесс обработки льна и прядение нашли свое отражение во множестве различных обрядов и поверий. Все женские работы, связанные с пряжей

и ткачеством, находились под покровительством древней богини Мокоши, которую киевский князь Владимир ввел в состав официального языческого пантеона. Пряжа и веретено – хозяйство Мокоши. Б. А. Рыбаков в своей работе о язычестве в Древней Руси отметил однородность символических орнаментов, которыми традиционно украшались прялки у всех славянских народов. На них изображался суточный круговорот солнца, что позволило исследователю отнести эту орнаментуку к отдаленной старине прославянских времен [28, с. 508, 512].

Связь всех атрибутов прядения с комплексом специфически женской магии объясняется тем, что в эпоху родового строя работы, связанные с изготовлением одежды, производились в специальном женском доме и одежда должна была изготавливаться со всеми заклятиями, делавшими ее непроницаемой для духов зла [17, с. 506]. По-видимому, именно этим объясняется то особое значение, которое придавалось женщинами своему пряслицу, погребавшемуся вместе с владелицей. Пряслице хранилось вместе с самыми драгоценными украшениями (часто из золота и драгоценных камней), что не было связано с его материальной ценностью и не зависело от того, из глины или из шифера оно было сделано. Пряслица снабжались владельческим знаком в виде изображения или надписи с именами владелиц. Немало их найдено при раскопках. По-видимому, предмету придавалось ритуальное значение кроме его чисто практического предназначения. Возможно, оно было символом женщины, как символом мужчины был меч.

Кроме тканей, изготовлявшихся внутри страны, употреблялись и привозные ткани. Состав ввозимых в Киевскую Русь товаров мало отличался от импорта других крупных средневековых государств. Для верхушки общества ввозились предметы роскоши, среди которых не последнюю роль играли драгоценные ткани, являвшиеся в то время наиболее ходким международным товаром. Русский автор XII в. Даниил Заточник, отмечая значение дорогих одежд в древнерусском обществе, писал: «... их же ризы светлы, тех речь честна» (иными словами, у кого одежда красива, у того и речь честна, т.е. верна) [29, с. 244].

Византийские материи узорного тканья на Руси были известны под названием паволоки. Штука такой ткани служила мерилom ценности: в договоре князя Игоря с греками указана стоимость раба в паволоках – «2 паволоци за челядин».

«Паволока бо испестрена многими шолкы, – писал Даниил Заточник, – красно лице являет» (т.е. паволока, покрытая узором из разноцветного шелка, выглядит красиво). Кроме Византии тканями снабжал Русь и Восток. Рисунки, характер тканей в Иране и Византии были довольно близки.

Из тяжелой византийской парчи на Руси шили княжеские плащи – «корзна», из узких парчевых лент делали оторочку для воротников. Образцы та-

ких тканей находят в княжеских погребениях (например, в гробнице Андрея Боголюбского) и на предметах церковного обихода. Роскошные привозные ткани использовались несколькими поколениями владельцев, переживали не только покупателя, но и его детей. Так, обнаруженная в Новгороде церковная пелена, представляющая собой византийскую шелковую ткань XI в. с изображением крылатых быков и барсов, покрыта русской золотой вышивкой XII в. [30, с. 60–61].

Кроме паволок на Русь привозились аксамит – ткань со сложным ворсовым узором, оловир, а также зеңдень – хлопчатобумажная ткань, изготовлявшаяся в окрестностях Бухары.

Ткани из шерсти, доступные в основном феодальной верхушке, поступали на Русь с Запада. Новгород Великий – крупный промышленный и торговый центр средневековья – имел широкие торговые связи со многими городами Западной Европы. В период с X по XII в. в новгородском импорте преобладали шерстяные ткани с открытой поверхностью (т.е. не валяные), саржевого переплетения из шерсти английских овец. В связи с усилением на Балтике Ганзы, монополизировавшей в XIII в. экспорт фламандского сукна, в Новгороде появились фламандские ткани, заполонившие рынок [17, с. 292].

§ 2. Текстильное производство в XIII–XV вв.

Страшные события 1237–1240 гг., когда монголо-татарскими завоевателями была разрушена, разграблена, сожжена русская земля, обратились в пепел и прах прекрасные творения материальной и духовной культуры, погибли массы людей, а оставшиеся в живых либо Пыли угнаны в далекий плен, либо разбрелись по лесам, относятся к числу величайших катастроф мировой истории. Современник, потрясенный увиденным, писал: “Множайша же братия и чада наша в плен ведени быша, села наши лядиною поростоша и величество наше смерися; красота наша погыбе, богатство наше онем в корысть бысть, труд наш поганый наследоваша, земля наша иноплеменникам в достояние бысть...”. Сообщения летописей об ужасах монголо-татарского нашествия в наше время пополнились материалами археологических раскопок. Следы пожаров, останки людей, погибших в уличных боях и задавленных обломками рухнувших зданий, массовые погребения многочисленных жертв в Старой Рязани, Киеве и других городах безмолвно и неопровержимо свидетельствуют о страшной катастрофе, разразившейся над русскими землями [31, с. 7, 18].

250 лет находилась Русь под игом поработителей. Монголо-татарские чиновники переписали население страны и обложили его данью в пользу завоевателей. Жестокие баскаки, собиравшие эту дань, чинили насилия над россиянами. После свержения монголо-татарского ига Россия еще 200 лет вела тяжелую борьбу с турецко-татарскими завоевателями, опиравшимися на доживавшие остатки некогда могущественной Золотой Орды.

Политика завоевателей в покоренных областях тяжелее всего сказывалась на ремесленниках. Разрушение городов наносило удар по самой высокоразвитой части русского ремесла – по городскому ремеслу. Высококвалифицированных ремесленников татары брали в плен во всех завоеванных ими странах. Так, при завоевании г. Тебриза хан Хулагу потребовал выдать ему всех городских ткачей, изготовлявших знаменитые тебризские ткани. Доказательством того, что городские ремесленники Руси также попадали в число пленников, является наличие типичных для XIII в. русских вещей в самых различных концах татарских кочевий.

Ремесло в средние века основывалось на ручной технике и зависело от индивидуальных профессиональных навыков, накопленных мастером в результате многолетней выучки. Поэтому носителем производственной культуры был сам ремесленник, орудия труда сами по себе ничего не значили. Иная картина наблюдалась в период мануфактурного и раннего машинного производства, когда отдельную операцию мог выполнить практически любой человек, включенный в общую систему организации производства.

Монголо-татарское господство, затем борьба против разного рода завоевателей, нестабильность внутри страны не способствовали быстрому восстановлению на Руси городского ремесла. Начавшийся в XII в. одновременно на западе и востоке Европы процесс роста городов и выхода городского ремесла на более широкий рынок после монголо-татарского завоевания продолжался только в Западной Европе, а на Руси был приостановлен. Даже города, наименее пострадавшие от нашествия, были отягощены данью, подрывавшей развитие экономики.

Русское ремесло домонгольского времени освещено источниками неравномерно – слабее письменными и значительно полнее археологическими. Еще менее благополучно обстоит дело с источниками по истории ремесла в XIII–XV вв. Письменные данные также малочисленны, а археологический материал, компенсировавший ранее их неполноту, для данного периода весьма незначителен, за исключением материалов, относящихся к Новгороду Великому.

Новгород был в числе немногих городских центров, не подвергшихся разгрому монголо-татарских завоевателей. Новгородская феодальная республика имела политическое устройство, аналогичное политическому устройству западноевропейских городов, со многими из которых она поддерживала

дипломатические и торговые контакты. В первую очередь это были немецкие города Прибалтики, объединенные в Ганзейский союз. Новгород не был полноправным членом этого союза, но в нем была одна из ганзейских контор (так же, как в Лондоне или нидерландском Брюгге).

Археологические данные позволяют утверждать, что Новгород переживал в развитии ремесла изменения, в общем аналогичные тем, которые переживало западноевропейское производство. Там, в частности, изготовлялось сукно. Археологами в слоях земли XIV–XV вв. обнаружены образцы суконных валяных и крашенных тканей местного производства из шерсти овец местных пород [19, с. 270, 274, 296]. Это значит, что новгородские ремесленники в это время овладели техникой валяния, растягивания и подстригания сукна. Подтверждают это и письменные источники. «Красильницкая улка», т.е. улица, где селились красильщики-профессионалы, упоминается в новгородских летописях впервые в 1385 г., но, без сомнения, существовала гораздо раньше. А наличие ремесленников-специалистов по отделке сукна подтверждается тем, что неортодоксальное религиозное учение, распространившееся в Новгороде в середине XIV в., получило название ереси стригольников по имени одной из ремесленных специализаций – подстригания поверхности ткани [32, с. 165].

Если в предшествующий период в шерстяных тканях новгородского изготовления преобладало саржевое переплетение 2/2 и саржевое типа 2/1, то в рассматриваемое время наблюдается увеличение выпуска тканей с полотняным переплетением 1/1. Это не признак упадка мастерства новгородских ткачей, а упрощение технологии, связанное, по-видимому, с потребностью удешевления товара и расширением рынка сбыта ремесленных изделий. Подобный же процесс был характерен и для западноевропейского текстильного производства. В Новгороде того времени аналогичные процессы замечены также в обувном производстве и обработке металла [19, с. 295–296].

Известно, что основой для появления городского текстильного производства служило развитие аналогичного производства в сельской местности. Одним из видов городского ремесла была отделка тканей, изготовленных в деревне: их окраска и другие операции. На территории Новгорода археологами не обнаружено пока следов ткацких мастерских, это приводит к мысли, что ткань, отделывавшаяся в городе, была соткана в сельской местности, там же бытовало и производство простых, сермяжных сукон.

Историю производства льняных тканей не удастся проследить с той же степенью подробности, как шерстяных. Это связано с тем, что, как уже говорилось, в почве ткани из растительного волокна почти не хранятся.

В Новгородской земле выращивались самые лучшие сорта льна. Но среди товаров, вывозившихся оттуда за рубеж, лен отсутствовал до самого кон-

ца XV в. [19, с. 157–158]. Важным товаром экспорта он стал с XVI в. В расцветающий же период лен, по-видимому, обрабатывался преимущественно на месте. Льняная пряжа и полотно входили в состав оброка, собиравшегося новгородскими феодалами с живших на принадлежавших им землях крестьян. В вотчинах знаменитой представительницы новгородского боярства Марфы Борецкой было организовано производство оброчного холста с элементами разделения труда между жителями разных населенных пунктов: одни пряли, другие ткали, третьи белили сотканное полотно.

В городах Новгородской земли была известна специализация «холщовник», но назывались так производители холста или торговцы холстом, сказать невозможно. Однако в любом случае это говорит о появлении более или менее значительных масс товарных тканей на рынке.

На большей же части Руси, испытавшей непосредственно все беды монголо-татарского нашествия, городское текстильное производство так и не сумело восстановить свое значение и занять то место, которое занимало в городах средневековой Европы, где оно специализировалось на производстве тканей для феодальной верхушки общества и богатых горожан. Именно это позволило европейскому городскому ремеслу провести глубокую специализацию, скажем, при изготовлении сукна: валяние, растягивание, подстригание – операции, обеспечивающие ткани «закрытую» поверхность. Деревенское ткачество с самого начала было ориентировано на производство дешевых, общедоступных тканей.

Деревенское потребительское производство тканей (как льняных, конопляных, так и шерстяных), основанное на самых простых технике и организации производства, естественно, восстанавливалось на Руси быстро. Лен сеяли практически повсюду. Меньше сведений имеется о разведении конопли, но, по-видимому, эта культура была достаточно обычной. Овец также разводили повсеместно. Любое крестьянское хозяйство имело сырье для прядения и ткачества. За счет крестьянской продукции удовлетворялись потребности феодалов в тканях, повседневно необходимых в быту и хозяйстве. Эти ткани поступали феодалу в виде оброчного платежа под название «портного» (от слова «порты», которое в то время употреблялось в значении «одежда») или «скатертного». Феодалы имели также в своем хозяйстве мастерские, где холопами («домотканями») и холопками («бральями»), полученными в наследство или добровольно ставшими холопами, руководила хозяйка дома.

Наиболее распространенным видом шерстяной ткани оставалось сермяжное сукно, по определению автора начала XV в., «от влас и от влны овчаа спрядено и исткано» (т.е. спрядено из овечьей шерсти и подшерстка) [31, с. 279]. Эта ткань называлась сукном обычным, сермяжным и противопоставлялась «сукнам немецким» (т.е. ввозимым из-за границы). Сермяжное

сукно, или просто сермяга (так же назывался и определенный вид верхней одежды), было доступно широким массам простого народа. В 1425. г. князь Юрий Дмитриевич встречал в Галиче митрополита Фотия, «чернь свою собрав из городов своих и волостей, из сел и деревень, и бысть их многое множество, и постави их на горе от града, с приезда митрополича, кажа ему многих людей своих. И воззрев (митрополит) на онь народ, иже по горе стоящ, и рече князю Юрью: «сыну, не видах столько народа в овчих шерстех» – вси бо бяху в сермягах (князь бо хотя явити, яко много люде име, а святитель в глум си вменив)» [33, с. 93]. Речь здесь идет об эпизоде, когда митрополит приехал в Галич уговорить Юрия Дмитриевича отказаться от претензий на великокняжеский престол и помириться с малолетним великим князем Василием Васильевичем. Показ «много множества» подданных носил со стороны князя характер политической демонстрации. При упоминании же Фотием «народа в овчих шерстях» явно имелся в виду образ волка в овечьей шкуре, поэтому летописец оценил подобное замечание митрополита как «глум», т.е. насмешку.

Разрушение городского ремесла на Руси привело к тому, что потребности феодалов и городского патрициата в роскошной, престижной одежде стали удовлетворяться за счет импорта. Существовали постоянные торговые связи русских купцов с греческими и итальянскими в Крыму и Константинополе [37, с. 110]. Через Крым на Русь поступали товары из Малой Азии, Персии, Сирии: шелковые ткани (тафта, камка), шерстяные и бумажные (зуфь, киндяк, бязь, епанча, зендень). Европейские сукна ввозились на Русь через Новгород, торговавший с Ганзой, которая, как уже говорилось, монополизировала в XIII в. экспорт фламандских сукон в Восточную Европу и принимала меры, чтобы не допустить к торговле с Новгородом купцов из городов, не входивших в состав Ганзейского союза (фламандцев, англичан, ломбардцев). Господство Ганзы длилось до конца XIV в. Новгород в XIV–XV вв. был главным транзитным центром, откуда сукна западноевропейского происхождения расходились по всей Руси [32, с. 212]. Центром торговли с Литвой, со странами Востока и Золотой Ордой была Тверь. В XIV–XV вв. в Тверь приезжали среднеазиатские купцы и послы из Шемахи. Афанасий Никитин – первый европейский путешественник по глубинам Азии – был тверским купцом [34, с. 161].

Дорогие сукна (ипрские, скарлат) и роскошные ткани (объярь – плотная шелковая ткань с волнистым рисунком, поверх которого могли быть вытканы цветы и травы, могла быть заткана серебром и юлотом, а также парча, бархат, атлас, камки, т.е. шелковый дамаст и ему подобные ткани) ввозились на Русь по-прежнему для князей, бояр, верхушки церковной иерархии и богатейших представителей купечества. Чаще всего в русских источниках

встречаются упоминания о продаже в Новгороде и Центральной Руси одного из самых дорогих сортов сукна – ипрского. Наибольшим спросом пользовалось красное и зеленое сукно. Упоминается также скарлат, ввоз этого сорта сукна зафиксирован с конца XIII в. Он производился в Ипре и Брюгге, а стоил дороже ипрского сукна. Цена этих сукон была так велика, что они использовались даже в качестве посольских даров. Ипрское сукно из Москвы посылалось в Крым в числе «поминков» для крымских ханов. В завещаниях русских князей XV в. ипрское сукно и скарлат перечисляются наряду с изделиями из драгоценных металлов. «Дорогой скурлат» – единственный сорт сукна, удостоившийся упоминания в былинах [32, с. 179, 181]. Постепенно социальный состав лиц, покупавших импортные ткани, несколько расширился. На рынке в XIV–XV вв. появлялись и не столь дорогие заграничные материи, например цветная хлопчатобумажная ткань юндень. В берестяной новгородской грамоте, относящейся к рубежу XIV–XV вв., некая Марина писала своему сыну: «Купи ми зендяньцю добру».

Со второй половины XIII в., и особенно в XIV в., на русский рынок через Новгород наряду с высококачественными и дорогими тяжелыми фландрскими сукнами стали поступать во все увеличивающемся количестве сукна облегченного типа. Они производились по упрощенной технологии (в основном полотняным переплетением) в новых центрах сукноделия, возникавших в то время в Европе. Популярным товаром на Руси стало сукно из Поперинга – ткань среднего качества и довольно дешевая (по сравнению с уже упомянутыми сортами), которая на Руси называлась «сукно новогонское» [19, с. 184]. Однорядка новогонская была вполне доступна в XV в. представителю рядового уездного (т.е. далее не столичного) дворянства [35, с. 362; 36, с. 404–405].

Сорта сукон на новгородском рынке сменяли друг друга в соответствии с расцветом и упадком различных центров сукноделия в Европе. Новгород был обширным рынком. Через него сукном снабжались практически все русские земли. Недаром новгородские археологические находки тканей составили коллекцию, имеющую большую ценность для изучения суконного дела в Европе.

О размерах ввоза на Русь сукна через Новгород можно судить хотя бы по тому, что в 1410 г. у немецких купцов там было около 80 тыс. м непроданного сукна [32, с. 170–171].

Ввоз в Новгород льняного полотна зафиксирован в конце XIII – начале XIV в. Однако объем его был, по-видимому, очень невелик и составлял весьма незначительную статью общего импорта. Причину этого объясняют приводимые далее сведения об экспорте русского полотна, правда, не на запад, а в восточные страны.

Уже в начале XII в. в Закавказье было известно, что льняные одежды «ценою каждая в золотую монету» вывозились из страны «русов». В трудах индийского историка Амира Хусрау (начало XIV в.) говорится о привозе из Руси в Индию льна и льняного полотна, которое очень высоко ценилось и жаловалось индийской феодальной знатью своим приближенным в виде почетного дара. Рюи Гонзалес де Клавихо в своем Дневнике путешествия ко двору Тимура в 1403–1406 гг. в главе «Богатство Самарканда» упоминал среди товаров, привозившихся из других стран, полотна из Руси.

В середине XIV столетия араб шейх Ала эд-Дин видел «льняные одежды из Руси», бывшие в большой моде в индийском городе Дели [37, с. 56–59].

Данных о том, насколько систематическим был вывоз полотна, в источниках нет, но о качестве ткани, изготовлявшейся на Руси, по ним судить можно: оно было достаточно высоким.

§ 3. Развитие текстильного производства в XVI–XVII вв.

Ликвидация ордынского ига в конце XV в. не означала устранения внешней опасности для русских земель. На месте владений Золотой Орды возникли государственные образования, представлявшие постоянную военную угрозу: Казанское и Крымское ханства, Ногайская Орда. Одной из основных задач Русского государства, сложение которого завершилось в начале XVI в., была оборона от наследников Золотой Орды. Казанское и Астраханское ханства были присоединены к России в XVI в. Борьба против Крымского ханства продолжалась и в течение XVII в. Такое положение требовало от страны постоянной готовности к войне. Одной из форм обеспечения этой готовности было распространение поместной системы, т.е. раздачи земельных владений при условии несения землевладельцем личной военной службы. Развитие этой системы способствовало сначала ограничению, а затем и отмене свободы перехода крестьян и установлению крепостного права, распространение которого привело к усилению эксплуатации крестьян и потере ими экономической активности. Хозяйственный упадок 70–80-х гг. XVI в., а также польско-литовская интервенция также неблагоприятно сказались на развитии экономики.

В конце XVI – середине XVII в. произошло становление системы крепостного права. Оно получило полное законодательное оформление в Соборном уложении (своде законов), принятом в 1649 г. Установив ответственность владельца земли за выполнение тяглым населением повинностей в пользу государства, оно положило начало процессу превращения крепостных людей в собственность землевладельца, окончательно оформившемуся во второй

половине XVIII в., когда крепостное право в России, по словам В. И. Ленина, “ничем не отличалось от рабства” [38, с. 18].

Хотя в России после опричнины Ивана Грозного и “великой крестьянской порухи”, т.е. экономического упадка конца XVI в., победили крепостничество и самодержавие, это не значит, что таков был единственный путь развития и что он был самым прогрессивным и конкретным экономических обстоятельствах [39, с. 9–11]. Система крепостного права создала возможность сосредоточения массы рабочей силы под контролем государства для извлечения максимально возможного при данной хозяйственной системе прибавочного продукта и тем самым производства необходимых материальных средств. Об этом свидетельствуют последовавшие через несколько десятилетий после принятия Соборного уложения радикальные преобразования Петра I, превратившие Россию в крупную мировую державу, по совершавшиеся крепостными методами.

Однако возможности развития производства при крепостном праве резко ограничивались тяжелым положением непосредственных производителей материальных благ, лишенных элементарной заинтересованности в развитии производства. Система крепостного права уродовала человеческую личность, ставила ее в крайне трудные условия, препятствовала прогрессивному развитию общества. Крепостное право, создавая возможность временного решения насущных задач, связанных прежде всего с сохранением независимости страны, обусловило увеличение ее экономической отсталости, становившейся особенно разительной вследствие ускорения темпов процесса исторического развития стран Европы, вставших на путь капиталистического развития [38, с. 18–19].

Процесс формирования единого Русского государства сопровождался определенными изменениями в системе торговых контактов со странами Европы. Присоединение Новгорода к Московскому государству нанесло решительный удар по монополии Ганзы в торговле, недаром этот факт вызвал настоящую панику в кругах ганзейских купцов. В 1494 г. великий князь московский Иван III закрыл в Новгороде ганзейский двор и “поймал” ганзейских купцов, т.е. задержал их вместе с товарами. Правда, в 1514 г. Василий III снова разрешил Ганзейскому союзу торговать в России, но его прежнее главенствующее положение в этой области уже было утеряно навсегда.

В середине XVI в. Русское государство завязало непосредственные торговые отношения с Англией. Поводом к этому явилась экспедиция Ричарда Ченслера, пытавшегося в 1553 г. отыскать дорогу в Индию северным морским путем и попавшего в Белое море. Через два года после этого, в 1555 г., в Англии была образована специальная “Московская компания” для торговли с русским государством.

СОДЕРЖАНИЕ

О чем эта книга?	5
Раздел 1. ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
Глава 1. Зарождение текстильного производства в России.	
Текстильная промышленность в XVI—XVII вв.	13
§ 1. Текстильное производство в домонгольской Руси	13
§ 2. Текстильное производство в XIII—XV вв.	23
§ 3. Развитие текстильного производства в XVI—XVII вв.	29
Глава 2. Текстильная мануфактура XVIII в.	64
§ 1. Виды мануфактур	64
§ 2. Динамика мануфактурной промышленности	87
Глава 3. Текстильная промышленность в период кризиса феодально- крепостнической системы. Переход к капитализму (1800–1861 гг.)	108
§ 1. Кризис феодально-крепостнической системы и текстильная промышленность	108
§ 2. Шерстяная промышленность	111
§ 3. Полотняная промышленность	121
§ 4. Хлопчатобумажная промышленность	132
§ 5. Шелковая промышленность	149
Глава 4. Текстильная промышленность России в период капитализма (1861–1917 гг.)	167
§ 1. Хлопчатобумажное производство в 1861–1900 гг.	167
§ 2. Хлопчатобумажная промышленность в 1900–1917 гг.	194
§ 3. Производство тканей из льна, пеньки и джута	220
§ 4. Шелковая промышленность	241
§ 5. Шерстяная промышленность	259
Раздел 2. ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	
Глава 1. Текстильная промышленность в первые 10 лет советской власти	297
§ 1. В годы революции и гражданской войны	297
§ 2. Текстильная промышленность в годы нэпа	310
Глава 2. Текстильная промышленность в годы довоенных пятилеток	341
§ 1. Текстильная промышленность в первой пятилетке	341
§ 2. Текстильная промышленность в годы второй и третьей пятилеток.	363

